

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Мухачёвой Ирины Валерьевны
на тему: «Глаголы со значением ликвидации результата действия:
семантика и синтаксис (на примере глаголов с приставкой *раз-*)»
по специальности 10.02.01 — «Русский язык»

Диссертация Ирины Валерьевны Мухачёвой посвящена описанию семантического класса русских глаголов со значением ликвидации результата действия. Актуальность темы обусловлена переходом от провозглашения и утверждения системного и объяснительного подходов к описанию лексики вообще и русской лексики в частности к их последовательной реализации на всем массиве лексических средств конкретного языка. Системность предполагает выявление основных принципов, организующих совокупность единиц языка определенного уровня в систему. Первоначально систематизация лексики в семантическом аспекте проводилась на основе тезаурусного принципа, представляющего лексику языка в виде системы семантических полей и составляющих их групп, непосредственно соотносимых с понятийными и предметными областями, и описание лексики велось по таким семантическим группам. Однако начиная с 80-х гг. XX в. в повестку дня встала задача не только точно и полно описывать значение и морфосинтаксическую сочетаемость слов, принадлежащих одной тезаурусной группе, но и объяснять сходство в сочетаемости единиц, находящихся в разных классах тезауруса, но обладающих общими семантическими компонентами абстрактного уровня, на котором выделяются такие понятия, как 'свойство', 'действие', 'отрицание', 'начало', 'результат' 'намерение' и т.п., и которые обуславливают взаимосвязи лексики с грамматикой, выражающей понятия именно такого

уровня абстракции. Такие компоненты, присутствующие в семантике многих слов, получили название тривиальных. Появились альтернативные тезаурусным семантические классификации лексики, базирующиеся на оппозициях таких компонентов и направленные на объяснение ее синтаксических и, шире, грамматических свойств. Соответственно, в области лексической семантики акцент сместился на изучение групп слов, входящих в классы подобных классификаций, и имеющих в своем значении определенную конфигурацию тривиальных семантических компонентов, обуславливающую особенности синтактики таких слов. Именно такая семантическая группа — «глаголы ликвидации результата действия» **впервые** стала объектом углубленного семантического и семантико-синтаксического анализа в диссертации И.В. Мухачёвой.

Диссертация **состоит** из введения, трех глав, заключения, обширного списка литературы и приложения. Введение дает ясное представление об основных параметрах проведенного исследования. В Главе 1 изложены теоретические принципы Московской семантической школы, достижения которой в области лексической семантики и лексикографии признаны во всем мире. Глава 2 определяет место исследуемого класса глаголов, названных для краткости ликвидативами, в рамках грамматически ориентированных классификаций глагольной лексики. Рассмотрев ряд таких классификаций, автор отдает предпочтение фундаментальной классификации предикатов Ю.Д. Апресяна, дополняя ее вполне совместимыми с ней классификационными параметрами, используемыми в рамках динамического подхода к семантике лексики Е.В. Падучевой. Здесь же рассматриваются возможные подходы к семантической классификации самих ликвидативов, базирующаяся на характере заполнения компонентов обобщенной схемы, выявленной автором в ходе анализа типовой ситуации ликвидации результата. В Главе 3 представлена семантическая классификация ликвидативов на материале их обширного

формального подкласса с приставкой *раз-*, насчитывающего 159 лексем. Затем из этой классификации продуманным образом выбираются составляющие ее группы для дальнейшего полного описания семантики, синтактики и парадигматических связей глаголов-ликвидативов из этих групп. Полностью описано 24 прототипических ликвидатива из разных семантических групп, наряду с которыми менее подробно описаны непрототипические представители выбранных групп и отдельные представители других групп ликвидативов. Тем самым был обеспечен равномерный и сбалансированный охват членов данного семантического класса, что позволило автору сформулировать значимые обобщения о связи между семантическими и синтаксическими свойствами ликвидативов, а также о соотношении свойств ликвидативов со свойствами каузативов, от которых ликвидативы семантически производны. В приложении приведен алфавитный список всех рассмотренных в ней ликвидативов с минимальными иллюстрациями.

Диссертация И.В. Мухачёвой выполнена на высоком научном уровне. В ней содержится решение конкретной задачи, входящей в общую программу системного и интегрального описания русской лексики: впервые описан целый класс глаголов на основе принципов системного подхода Московской семантической школы. Кроме того, опровергнуто положение о принципиальной невыразимости некоторых валентностей у глаголов ликвидации результата действия, что является вкладом в теорию валентностей. Обоснованность и достоверность научных положений и выводов, сформулированных в диссертации, обусловлены выбором теории и методов, адекватных задачам исследования, а также опорой на представительную эмпирическую базу. Композиция данного труда отражает логику исследования: от общетеоретических положений к анализу конкретного языкового материала, и получение новых обобщений на этой основе.

Выскажем отдельные замечания по работе И.В. Мухачёвой.

1. Представляется спорным высказанное при анализе ликвидативного глагола *срубить* суждение, что после того, как березу срубили, сама береза продолжает существовать, но не продолжает расти (с. 109). Во-первых, глагол *расти* по отношению к деревьям может выступать как в значении 'увеличиваться в размере', так и в значении 'существовать', т. е. как лексико-функциональный глагол, выражающий параметр Func_0 при именах растений (ср. лексему *расти 1* в примере *Это дерево растет быстро* и лексему *расти 2* в примере *Посреди поля рос дуб.*). И когда дерево срубают, оно перестает расти не только в смысле 'увеличиваться в размере', но и в смысле 'существовать'. Говорить о срубленной березе, что она продолжает существовать примерно так же уместно, как говорить о продолжении существования застреленного человека. Хотя для того, что остается от убитого человека имеется специальное слово — *труп*, а для срубленных деревьев продолжает метонимически использоваться то же самое имя, но ясно, что срубленная береза это уже не вполне береза, а ее часть, причем с сильно изменившимися свойствами.

2. Не корректно, на наш взгляд, объясняется отнесение глагола *погибнуть* к ликвидативным (с. 110). Вопреки мнению автора, глагол *погибнуть* не «освещает ситуацию таким образом, что ее главный участник как бы ликвидируется сам», и он не рядоположен глаголам самоликвидации типа *повеситься*. Более адекватным было бы следующее толкование.

X погиб в W от действия Y-а или воздействия Z = 'Существо X, оказавшееся в ситуации W, перестало существовать в результате намеренного или ненамеренного действия участвующего в ситуации W существа Y, и /или оказавшись под воздействием наличествующего в ситуации W фактора Z, вызвавшего невозможность продолжения

существования X-а'. Примеры: *Солдат погиб в бою; Депутат погиб от руки бандита; Черепахи погибли от холода*. Так что глагол *погибнуть* освещает ситуацию не как самоликвидацию, а как ликвидацию, Агенсом или Каузатором которой выступают соответственно Y или Z, присутствующие в ситуации W, и входящие в значение глагола *погибать* на правах синтаксически факультативных семантических актантов. Впрочем, ненамеренная самоликвидация также возможна в случае, когда X и Y совпадают, ср. *Мой папаша пил как бочка и погиб он от вина*.

3. Рассматривая три семантические классификации предикатов в Главе I, автор обращает внимание только на собственно семантические признаки выделяемых в них классов, тогда как все они выделялись с учетом морфологических, синтаксических, референциальных и прочих проявлений этих признаков, которые в неясных случаях могут использоваться как диагностические при решении вопроса о принадлежности предикатной лексики к тому или иному классу.

4. На с. 36 читаем: «Следствием семантической деривации является регулярная многозначность». Представляется, что и нерегулярная многозначность является следствием того же процесса. Связи значений, основанные на коннотациях, могут быть весьма специфичными.

5. О Ю.С. Маслове нельзя сказать, что он развивал идеи З. Вендлера (см. с. 51). Аспектуальная лексико-семантическая классификация глаголов Ю.С. Маслова, весьма близкая к классификации Вендлера, опубликованной в 1967 г., появилась почти на 20 лет раньше, в 1948 г.¹

6. Иногда в работе встречается неточное употребление или отождествление терминов. Цитируя определение *семантического актанта*, якобы данное Ю.Д. Апресяном, автор на деле приводит определение *синтаксического*. Семантический актант — это обязательный

¹ Падучева Е.В. Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову — Вендлеру // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 3–20.

участник ситуации, обозначаемой предикатной лексемой, а не «слово, группа слов или предложение, обозначающее обязательного участника ситуации» (см. сноску на с. 39). Впрочем далее, на с. 40 автор исправляет ошибку, относя последнее определение уже к синтаксическим актантам. Соотношение между семантическими валентностями и морфосинтаксическими способами их выражения отражается не в *диатезе* глагола, как написано на с. 48, а в его *модели управления*. Судя по сноске на с. 23, автор отождествляет общепринятое понятие *семантического поля* с понятием *функционально-семантического поля* (ФСП) у А.В. Бондарко. Однако в основе ФСП лежат семантические категории, для которых хотя бы в части языков мира существуют грамматические средства выражения, такие как модальность, число, таксис, диатеза, определенность / неопределенность и т. п., тогда как семантическое поле в обычном понимании — это множество слов, соотнесенных с любой понятийной или предметной областью (цвета, движения, родственных отношений, атмосферных явлений, одежды и т. д. и т. п.)

7. Хотя в целом работа написана хорошим научным языком, в ней иногда встречаются неудачные выражения. Так, поскольку термины *лексема* и *единица языка* соотносятся как видовое и родовое, то фраза *сочетаться с другими лексемами и единицами языка* (с. 39) семантически неправильна. Также неудачным представляется выражение *непостоянные обязательные участники ситуации* (с. 42).

Очевидно, что указанные замечания имеют частный характер и не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.02.01 — «Русский язык» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней

в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова; она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель И. В. Мухачёва заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – «Русский язык».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,
профессор кафедры теоретической
и прикладной лингвистики филологического факультета
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»

КОБОЗЕВА Ирина Михайловна

5 июня 2021 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.02.19 – «Теория языка»

Адрес места работы:

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51,
1-й учебный корпус, ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет имени М.В. Ломоносова»,
филологический факультет, кафедра теоретической
и прикладной лингвистики
Тел.: +7 (495) 939-26-01; e-mail: otipl@philol.msu.ru

Подпись сотрудника ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»
И. М. Кобозевой удостоверяю: